

A man with brown hair and a beard, wearing a light-colored jacket over a dark shirt, stands in a field. A young girl with curly hair, wearing a grey cardigan over a blue shirt and a red backpack, stands next to him. In the background, there are several houses, some with chimneys, and a large, textured sphere hanging in the sky. The scene is set in a rural, somewhat desolate environment.

ИЯ

Павел Волчик

Павел Волчик

Ия

«Автор»

2018

Волчик П. В.

Ия / П. В. Волчик — «Автор», 2018

Молодая пара с ребёнком переезжает жить в глухую деревню из мегаполиса. Семья осваивается на новом месте и ждёт пополнения. Внезапные роды застают Марию врасплох. Но того, что случится дальше, не ожидал никто: вместо ребёнка на свет появляется крохотная планета. Это необычное создание разумно и живёт по своим законам. Вся семья учится взаимодействовать с Ией. Их отношения, поступки и мысли влияют на облик планеты, меняют её. Время бежит, Ия растёт, и скрывать её существование уже невозможно... Трогательная и светлая история о семейных ценностях, поиске лучшей жизни и настоящем чуде. Прочитав её однажды, вы сохраните её в своём сердце навсегда. Книга публикуется с авторской орфографией и пунктуацией.

© Волчик П. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Павел Волчик

Ия

1

Почему чудо случается с теми, кто его не ждёт?

Большой город высосал из нас остатки сил, и мы сбежали, спрятались в деревенской глуши. Хватит ждать чуда, решил я. Нас теперь так просто не возьмешь! Есть пара рук, голова на плечах – справимся как-нибудь сами. Без чуда.

А оно возьми, да и случись.

Я помню, как всё начиналось. Мы сидим на кухне – на мне вязаный свитер, шерстяные носки, Мария спряталась в коконе одеяла. Печь натоплена, но зима всё равно находит нас посреди дома и лезет обниматься. Мы вздрагиваем и потягиваем из кружек летнюю амброзию, которую местный пасечник отобрал у пчёл.

Я потираю свои огрубевшие ладони, из которых достал десятки заноз; жена разминает себе шею: целый день она поднимала на руки ребёнка.

Дочка наконец-то уснула. Значит, настало время вечерних разговоров.

– А если второй ребёнок нас доконает? – третий раз за вечер спрашиваю я. – Ты всё время жалуешься, что не справляешься с Зоей. А дом, а хозяйство? На лесопилке дела не лучше: то я с заказами не справляюсь, то целый месяц сижу без работы. Мне просто хочется знать: потянем ли мы второго?

Моя Мария вздыхает и задумчиво смотрит в окно, как будто там, кроме темноты, что-то можно увидеть:

– Мне тридцать пять. Если не сейчас, то когда?

Я тоже вздыхаю, тоже зачем-то гляжу в окно.

– Девять месяцев беременности, потом роды... – говорю я заунывным голосом.

– Думаешь, я не знаю?

– Думаю, знаешь.

– Тогда зачем ты мне об этом говоришь?

– Хочу, чтобы ты всё взвесила.

Мария грызёт ноготь на мизинце.

– А если опять будут проблемы с молоком?

Я спасаю её мизинец – беру за руку.

– Не будет.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и всё.

Мы меняемся местами. Мне хочется её приободрить, и я начинаю сам уговаривать жену завести второго ребёнка:

– Только представь, на свете появится ещё одна жизнь!

Чем дольше я говорю, тем больше мне нравится звук собственного голоса. Легко подбадривать, когда рождаешь не ты.

Мы долго спорим насчёт имени ребёнка. Валентина я отвергаю сразу – есть в этом имени что-то женское. Борислав кажется мне воинственным, но Мария над ним смеётся.

Так и не договорившись, мы ложимся спать.

Пускай работает аист и старается капустная грядка – мы тут ни при чём.

2

Скоро за окнами послышался стрекот сорок и щебетание воробьёв. Большой дуб держался до последнего, но и он вдруг ожил, зазеленел. Наступила весна.

Увидев Марию в платье, Зоя отложила скакалку и спросила:

– Ты съела тыкву, мама?

Мы объяснили дочке суть дела. Она нахмурилась: до сих пор родители принадлежали только ей, а тут вдруг конкурент. Пускай маленький и беспомощный, но всё же...

Тогда мы пошли на хитрость и стали убеждать нашу пятилетнюю дочь, что иметь братика или сестричку очень весело. Она почесала затылок и согласилась.

Трава росла прямо на глазах; зацвела мать-и-мачеха. Мария стала похожа на василёк, вот-вот готовый распусться. Зоя сорвала первую ромашку и начала гадать, кто будет: мальчик или девочка?

Мы, взрослые, считали дни в календаре и думали, что всё контролируем. Но ошибались!

Однажды рано утром, бледный и запыхавшийся, я примчался к деревенскому фельдшеру и, заикаясь, пробормотал:

– Варвара Петровна, мы не успеваем доехать до больницы. Не понимаю, как так вышло! Роды начались!

Красные сильные руки достали из таза мокрое бельё, скрутили, выжимая пенную воду. Я не видел её лица, только макушку с волнистыми волосами – покрытое инеем поле. Наконец, она распрямилась, спокойно посмотрела на меня и ответила:

– Не трясись, отец. Двадцать лет принимаю роды. Как-нибудь справимся.

Я кивнул и побежал за ней, дрожа и спотыкаясь.

Мы вскипятили воду и приготовили чистые полотенца. Затем фельдшер вежливо попросила меня удалиться.

Зоя, прожившая в деревне почти всю свою короткую жизнь, успокаивала меня и гладила по спине, а я – городской неженка – с трудом верил в то, что можно родить вне больничной палаты.

Но надежда оставалась. К шестому часу, когда за стеной ещё продолжались стоны и возня, я, устав молиться и бояться, лёг на кушетку, обнял дочку и погрузился в тревожный сон.

Сколько я спал, не знаю. Разбудил меня скрип старых дверей. Я вскочил пружиной, а Зоя сонно перевернулась на другой бок.

Из дверей вышла Варвара Петровна. Нижняя губа у неё тряслась, и она не знала, куда деть руки. Никогда прежде я не видел нашего хладнокровного фельдшера в таком смятении.

Я попытался заглянуть в комнату, но она живо оттащила меня от двери.

– Я думала, что это появилась головка! Но потом... – она говорила тихо, почти шёпотом. – Оно как шар. Потрескавшийся, но абсолютно ровный. Я обрезала пуповину, хотела обернуть пелёнкой, а оно...

Я не мог больше слушать этого бреда. Я распахнул дверь и вошёл в полутёмную комнату. При свете тусклой лампы, я увидел Марию: волосы у неё намокли и тёмным венцом обрамляли лицо. Она спала так крепко и невинно, что я застыл на пороге, боясь её разбудить. Под одеялом что-то зашевелилось, и в следующий миг я увидел тёмный шар, весь покрытый светящимися оранжевыми трещинами. Я отшатнулся и схватился за дверной косяк, так что ногти содрали старую краску. Шар парил в воздухе и медленно вращался.

Когда-то я слышал историю о том, как учёные впервые получили снимки обратной стороны луны. Что они почувствовали, когда не узнали бледно-серый шар, знакомый им с детства? Вместо тёмных высохших морей – изъеденная оспинами кратеров корка.

– Это маленькая планета, пап? – спросила Зоя, появившись у меня за спиной.

Мои губы беззвучно шевельнулись.

– Точно, так выглядела Земля много-много лет назад, – не унималась дочка. – Помнишь, ты показывал мне в книжке?

Услышав нас, небольшой шар размером с детский резиновый мячик пересёк комнату и завис у меня перед носом.

Затаив дыхание, я с любопытством изучал чудесное существо. Вся его поверхность напоминала потрескавшуюся слоновью кожу, в которой горели янтарные ручейки. Там, где крепилась пуповина, остался маленький бугорок – крошечный угасающий вулкан. Похоже, Зоя права – передо мной действительно была остывающая планета. Я видел такие в атласах.

– Привет, – тихо сказал я маленькой сфере и дотронулся до её шероховатой поверхности. Тёплый шар перестал вращаться и коснулся моей щеки.

Я слышал, как на улице шуршат простыни на бельевой верёвке, как в доме ровно дышит Мария, как под полом скребётся мышь.

Шар опустился, прижался к моей груди и загудел, будто пел себе колыбельную.

– Что оно делает? – слабым голосом спросила Варвара Петровна (теперь она была бледна и дрожала, как я перед родами).

– Засыпает, – проговорил я, глядя планету. – И это она. Совершенно точно.

3

Хорошая может выйти сказка, если на этом поставить точку. Ну а мы должны были как-то выкручиваться. Мария родила планету. Планета теперь живёт в нашем доме. Что делать дальше? Этого никто не знал.

С фельдшером мы договорились, что будем молчать о случившемся. Варвара Петровна нахмурилась, засопела, потом ещё раз взглянула на шар и кивнула.

– Будем считать это врачебной тайной. А я её никогда не нарушала! – Она приосанилась, сложила на груди сильные руки. – К тому же я единственная, кто видел, как рождается планета.

Она пообещала хранить тайну с условием, что будет приходить в гости и проверять, всё ли с нами в порядке. Скоро она привыкла к нашей младшей, стала играть с ней и называть «мой колобочек».

Мария приняла новость о ребёнке на удивление спокойно.

– Я видела сон, – призналась она, – будто лечу по Млечному Пути. Одна из звёзд приблизилась ко мне, ослепила светом и сказала, чтобы я не пугалась. Она спросила, готова ли я позаботиться о необычном ребёнке. И я ответила, что готова.

С тех пор мы больше не называли наше дитя «оно» и воспитывали так, как умели.

Сначала Мария подолгу лежала в кровати, поглаживая тёплый шар. А когда она поднялась на ноги, я тоже стал держать рядом с собой маленькую планету. Она не нуждалась в молоке или другой пище. Мы долго не понимали, нужен ли ей кислород, чтобы дышать.

Законы биологии и физики почти не действовали на неё. Но, тем не менее, она получала энергию. Как? Между нами установилась какая-то особенная связь. Ей нужно было наше внимание. Всякий раз, когда я проводил с ней время, мои силы таяли. Это явление сложно объяснить: планета не опустошала – она всегда брала ровно столько энергии, сколько нужно, чтобы протянуть до вечера.

– Я всего лишь спела ей песню на ночь, – говорила Мария, глядя крутящийся шар. – А такое ощущение, что весь день полола грядки.

– Я поиграл с ней в прятки, – отвечал я, лёжа на полу и закинув на диван ноги, – а чувствую себя так, будто весь день провёл у станка.

– Это похоже на время, когда родилась Зоя.

– Угу. Только не понятно: с чего это мы так устаём?

4

Когда перестаёшь верить в чудеса, не так уж сложно заниматься обычными делами: ходить на работу, убираться в доме, воспитывать детей. Ты втягиваешься, привыкаешь. Тебе не нужно гадать на кофейной гуще – ты сам себе пророк, ибо предсказывать особо нечего. Но стоит попробовать чудо на вкус, как обычная жизнь превращается в мучительное ожидание перемен.

Раньше я работал на лесопилке нехотя. Песня циркулярной пилы перестала меня веселить, запах деревянных стружек уже не бодрил. Но странные события, происходящие в нашем доме, воодушевили меня на подвиги. «Людам нужны маленькие чудеса!» – понял я. В итоге из свежеструганных досок я сколотил себе пристройку и даже выбрался в город, чтобы купить подходящий токарный станок. Вот теперь дерево запело в моих руках! Скучный инженер, когда-то просиживавший штаны в конструкторском бюро, наконец-то начал превращаться в умелого плотника.

Кубки, кувшины, чашки, резные ложки и подсвечники, гардины и перила, детские игрушки, украшения – всё это хотелось потрогать, подержать в руках.

Местные жители редко покупали мои поделки, но однажды ко мне заглянул молодой предприниматель из города и сказал, что на деревянные игрушки сегодня особый спрос и он готов сотрудничать. Я обрадовался и стал работать ещё усерднее.

Мария оставалась с двумя детьми. Возвращаясь вечером домой, я рассказывал ей о своих успехах. Она нервно улыбалась и начинала спешно наводить порядок на кухне – будто хотела показать, как много у неё дел. Иногда она так сильно тёрла тряпкой стол, что я боялся, как бы в столешнице не образовалась дырка.

Зоя висела на мне весь вечер, заставляла играть и даже не пускала в уборную. Маленькая планета ей не уступала – кружилась вокруг головы до ряби в глазах, касалась щёк.

Внимание дочек мне очень льстило. Наверное, именно поэтому я вовремя не почувствовал опасности.

Это случилось в обычный осенний вечер, когда я вернулся домой с лесопилки. Настроение было хоть куда. Помню, я даже насвистывал песенку, которую только что слышал по радио. У забора стоял наш автомобиль со спущенной шиной. Пару дней назад я налетел на яму в асфальте и пробил покрышку: нужно будет съездить купить новую, но когда?

Зоя первой увидела меня в окно и, помахав рукой, бросилась к дверям.

Я вошёл в дом, снял куртку. Сверху раздался глухой топот, потом шум возни.

– Маша! – позвал я.

Но жена не откликнулась. Может, не расслышала?

Узел на правом ботинке никак не хотел поддаваться. Когда мне, наконец, удалось стянуть с себя обувь, шум наверху усилился. Из распахнутой двери в кухню валил дым. В ноздри мне ударил густой запах жарящихся котлет. На лестнице мелькнули голые ступни жены. Я поднялся вверх и увидел такую картину: Зоя стояла, скрестив руки на груди. Она насупилась и выпятила нижнюю губу. Мария возвышалась над ней грозовой тучей:

– Сколько раз я тебя просила не обижать сестру!

– Она сама виновата! Я первая увидела папу в окно! А она начала меня обгонять!

Из-за кресла показался круглый бок, покрытый крохотными трещинками, и снова исчез.

– Что случилось? – серьёзно спросил я.

Мария нервно откинула волосы со лба.

– Зоя ведёт себя с ней как с игрушкой. Толкает, крутит её. Я говорю, что так нельзя!

– Она сама виновата... – буркнула девочка.

Я присел на корточки, чтобы видеть глаза Зои. Маленькая планета вылетела из-за кресла и юркнула мне за спину.

– Зоя, – сказал я как можно мягче, – не дуйся, пожалуйста.

Дочка ещё больше выпятила нижнюю губу и отвернулась.

– Ей просто нужно попросить прощения, – вмешалась Мария. Вокруг рта у неё появились некрасивые морщинки, которых я раньше не замечал.

– Ты извинишься? – спросил я, положив руку Зое на плечо.

– Пускай сначала она!

– Она не говорит.

– Мне-то что! – Зоя отступила на шаг назад.

Мы с женой переглянулись.

Маленькая планета, будто забыв о ссоре, начала медленно кружиться вокруг нас. Я поднялся.

– Ну, тогда...

Зоя хорошо знала этот тон. Она закатила глаза.

– Ну ладно. Я извинюсь.

Её губы сжались в тонкую линию, затем что-то промямлили.

– Мы ничего не слышим, – сказала Мария.

Зоя сжала кулачки. Почуввав неладное, я шагнул вперёд, но было уже поздно. Глаза Зои сверкнули непокорным огнём, она развернулась и с ловкостью заправского футболиста врезала ногой по крутящейся сфере. Планетка со свистом взлетела к потолку. Послышался треск, и в следующую секунду нам на головы посыпался дождь из стекла.

– Зоя! – взревели мы с Марией.

В ответ – короткий вздох. Я открыл глаза и увидел кое-что пострашнее разбитой люстры. Наша девочка стояла, бессильно опустив руки, как маленькая бледная моль. На белой щеке красная полоска – ровная, словно прочерченная по линейке. По коже скатилась рубиновая капля, задрожала на подбородке и полетела вниз. Затем из пореза полился тёмный ручеек.

Я услышал, как Мария охнула и попятилась.

– Стой! – крикнул я, но поздно: под ее голой ступнёй хрустнуло стекло...

Что было дальше, я не помню. Каким-то образом я перенёс жену и дочку в гостиную, умудрившись не наступить на осколки. Достал аптечку и обнаружил там просроченную перекись водорода и бинты. Выругался.

У Зои началась истерика. Мария сидела с прижатым к ноге красным бинтом.

– Беги к фельдшеру, – она указала глазами на дверь.

Я взял дочку на руки и побежал. Её тело обмякло, стало тяжёлым.

То и дело она повторяла: «Я буду уродкой? Да, папа?»

«Нет-нет, – бормотал я. – Ты станешь ещё красивей. У тебя будет геройский вид!»

Знакомая тропинка. За рощицей жёлтый домик Варвары Петровны

Когда я без стука ворвался к ней (двери в деревне запирались только на ночь), она стояла у раковины и отмывала здоровенный чёрный котёл. Её руки, как и в прошлый раз, были мокрыми и красными от горячей воды.

Она мигом оценила ситуацию, молча взяла Зою и унесла под свет лампы. Осмотрела рану, передала девочку мне. Ловко и спокойно, не делая лишних движений, достала бутылку со спиртом, аптечку, шприцы, ампулы и хирургическую иглу.

Увидев всё это, Зоя отвернулась, уткнулась мне в плечо. Я почувствовал, как рубашка в том месте, где она прижимается, намокла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.